

Хуа Юньсян спросил:

— Как думаешь, она владеет боевыми искусствами?

Ту Сянсян кивнула:

— Да. Кроме неё, у неё есть ещё пара человек, которые, судя по всему, тоже обладают навыками боевых искусств — они не простые люди.

Хуа Юньсян сказал:

— Тогда нам нужно быть поосторожнее...

\*\*\*

Третья стража только что миновала. Хуа Юньсян и Ту Сянсян добрались до подножия горы Лушань. Передохнув немного в роще у подножия, они оба достали из-за пазухи по отрезу чёрной ткани, закрыли лица, превратившись в людей в масках, и змеиной походкой двинулись в сторону Бодхимандлы Пути.

В мгновение ока они уже добрались до горных ворот Бодхимандлы Пути.

В обычных храмах по ночам огней не гасят, и Бодхимандла Пути не была исключением. Сейчас в главном зале ярко горели огни, но вокруг царил тишина — ни единой души, всё погрузилось в атмосферу торжественной строгости.

Ту Сянсян тихо произнесла:

— Комната наставницы Цзинсинь находится в правом крыле заднего зала, лучше всего пробраться с тыльной стороны.

Хуа Юньсян сказал:

— Веди.

Ту Сянсян согнулась и крадучись бросилась к правой стороне Бодхимандлы Пути. Держась на почтительном расстоянии от света, она повела Хуа Юньсяна в обход правого крыла обители и остановилась у глинобитной стены. Подняв голову и оглядевшись по сторонам, она снова шепнула:

— Похоже, здесь. Перебираемся внутрь!

Хуа Юньсян кивнул.

Ту Сянсян протянула руку, уцепилась за гребень стены и заглянула во двор. Убедившись, что внутри никого нет, она легким движением гибкого тела перемахнула через забор и бесшумно опустилась на землю у самой стены.

Хуа Юньсян последовал за ней слева, обвел взглядом всё вокруг и тихо проговорил:

— Кажется, ночной стражи нет?

Ту Сянсян кивнула, указала рукой на близлежащий ряд комнат и, припав к его уху, прошептала:

— Если считать отсюда, третья комната — это спальня наставницы Цзинсинь. Как нам войти?

Хуа Юньсян заметил, что галерея перед тем рядом комнат отлично просматривалась и оставаться там было крайне опасно — можно было легко себя выдать. Он спросил:

— Сзади у комнат есть окна?

Ту Сянсян ответила:

— Точно не знаю.

Хуа Юньсян предложил:

— Давай обойдём дом с тыла и посмотрим. Если есть окна, залезем через них.

Ту Сянсян сочла это предложение разумным и тут же вспорхнула к задней части этого ряда комнат.

Хуа Юньсян последовал за ней.

Комнаты находились всего в нескольких чжанах от стены. Посредине тянулся ряд цветочных подставок с различными бонсаями. Приглядевшись, они увидели, что в каждой комнате сзади было по окну, но все они загораживались толстыми деревянными прутьями. Если бы они захотели вломиться через окно, им пришлось бы сначала перепилить эти прутья, а подобное неизбежно разбудило бы человека внутри.

Ту Сянсян нахмурилась:

— Непросто, да?

Хуа Юньсян ответил:

— Именно так. Судя по всему, придётся заходить через парадную дверь.

Ту Сянсян спросила:

— И как же нам войти?

Хуа Юньсян предложил:

— Что, если прорваться внутрь силой?

Ту Сянсян возразила:

— Ни в коем случае! Если наставница Цзинсинь и та старая карга внутри поднимут крик, проснутся все старухи во всей Бодхимандле Пути.

Хуа Юньсян пояснил:

— Я имею в виду взломать дверь тихо, без малейшего звука.

Ту Сянсян покачала головой:

— Я не владею искусством прохождения сквозь стены. Думаю, лучше я сама постучу в дверь. Когда они откроют, мы неожиданно зажмем им рты, а потом во всем разберемся. Если наставница Цзинсинь согласится рассказать всё добровольно — хорошо, а если нет — отправимся искать эту Мать-Ябу и силой принудим её расколотся.

Хуа Юньсян немного подумал и кивнул:

— Так тоже годится. Вот только если дверь откроет сама наставница Цзинсинь, нам нужно будет немедленно сорвать черные маски, чтобы не напугать её до полусмерти.

Тогда Ту Сянсян снова повела его в обход к фасаду комнат. На цыпочках подойдя к двери комнаты монахини Цзинсинь и убедившись, что вокруг никого нет, она легонько постучала в дверь несколько раз.

Ответа не последовало. Когда она постучала во второй раз, из комнаты раздался чей-то старческий голос:

— Кто там?

Ту Сянсян тихо ответила:

— Это я.

Старуха в комнате, казалось, не смогла узнать её по голосу и снова переспросила:

— Ты кто такая?

Ту Сянсян ответила:

— Это же я!

Старуха внутри решила, что пришел кто-то из своих, и тут же поднялась отворять, ворча на ходу:

— Среди ночи-то... чего вам понадобилось до завтра...

На этих словах дверь приоткрылась наполовину, но едва она увидела стоявших на пороге мужчину и женщину в масках, как от неожиданности остолбенела, лишившись дар речи.

Заметив, что та не поднимает крику, Ту Сянсян не стала зажимать ей рот, а лишь толкнула внутрь комнаты, вошла следом и устрашающе прошептала:

— Не смей шуметь, не то тебе не поздоровится!

Хуа Юньсян плотно прикрыл за ними дверь.

Старуха дрожала от страха и трясущимся голосом произнесла:

— Вы... вы кто такие?

Ту Сянсян успокоила её:

— Не бойся. Пока ты не кричишь, мы тебе не причиним вреда... Кто это на кровати?

Старуха испуганно доложила:

— Это наша старшая сотоварищница Цзинсинь. Она заболела, у неё сильный жар...

Ту Сянсян бросила взгляд на кровать, подошла ближе и наклонилась. В самом деле, под одеялом лежала монахиня Цзинсинь. Протянув руку и коснувшись ее лба, она убедилась, что та действительно сильно горит. Не удержавшись, она с сочувствием произнесла:

— Разве ей не давали лекарств?

Старуха ответила:

— Нет...

Ту Сянсян удивилась:

— Почему вы не дали ей лекарства?

Старуха замялась и пролепетала:

— Наша надзирательница сказала... сказала, что она провинилась, поэтому лекарств ей не положено.

Ту Сянсян гневно бросила:

— Хм! У этой Матери-Ябы и сердце черствое! Разве она после этого монахиня, идущая по Пути?

Старуха в ужасе залепетала:

— Вы... кто вы такие в конце концов? Зачем пожаловали сюда?

Ту Сянсян сказала:

— Я задам тебе два вопроса. Если ответишь честно, мы не станем тебя обижать.

Старуха закивала:

— Да-да, благодетельница, говорите, пожалуйста.

Ту Сянсян спросила:

— Где находится главное отделение вашего Общества Сестер?

Лицо старухи изменилось:

— Это... к чему вы спрашиваете об этом?

Ту Сянсян потребовала:

— Говори быстро!

Старуха покачала головой:

— Старуха не знает!

Ту Сянсян изогнула изящные брови и холодно усмехнулась:

— Ты ведь сама состоишь в Обществе Сестер, как же ты можешь не знать, где находится главное отделение?

Старуха пояснила:

— Раньше штаб-квартира находилась на горе Гуаньинь, но потом, как говорят, ее перенесли в другое место. А куда именно — старуха не ведает.

Ту Сянсян продолжила допрос:

— Кто знает?

Старуха ответила:

— Наша надзирательница знает.

Ту Сянсян уточнила:

— Та самая Мать-Яба?

Старуха отрывисто кивнула:

— Да. Она назначена главой Общества Сестер следить за этой обителью, и во всем храме только она одна владеет информацией о местонахождении главного отделения.

Увидев, что та не лжет, Ту Сянсян перешла к другому вопросу:

— Тогда кто является главой Общества? Ты же должна это знать.

Старуха замаялась, запинаясь:

— Да, она раньше жила в нашей обители, и старуха, конечно, знает, но... но...

Ту Сянсян поторопила её:

— Но что?

Старуха с трудом подбирала слова:

— Нам строго-настрого запрещено разглашать её имя и происхождение. Если старуха проболтается, надзирательница ни за что меня не простит...

Не успела она договорить, как из-за двери раздался холодный голос:

— Верно! Если ты посмеешь выронить хоть слово, старуха тебя в живых не оставит!

Судя по голосу, это была как раз та самая Мать-Яба!

Лицо Хуа Юньсяна слегка изменилось, и он спросил:

— Это она?

Ту Сянсян кивнула:

— Она самая. Как раз вовремя пожаловала, у неё самой и спросим!

С этими словами она выхватила из ножен драгоценный меч.

Хуа Юньсян тоже извлек Парных судей Инь-Ян, распахнул дверь и выглянул наружу. Во дворе в ряд стояли три старухи. Та, что была посередине, отличалась свиноподобной полнотой и свирепым выражением лица, в руке она сжимала кольцевой тесак — по одному её виду было ясно, что это и есть Мать-Яба. Спокойно ступая, Хуа Юньсян вышел наружу и произнес:

— Ты и есть Мать-Яба?

Мать-Яба пришла в ярость:

— Паршивец! Кто тебе сказал, что я Мать-Яба?

Хуа Юньсян легко улыбнулся:

— Да по одному твоему виду сразу видно — вылитая Мать-Яба!

Разъяренная до предела Мать-Яба взбесилась. Ткнув в него тесаком, она взвизгнула:

— Кто вы такие? Быстро назовите свои имена и приготовьтесь к смерти!

Хуа Юньсян ответил:

— Ты же монахиня, почему при первой же встрече норовишь убить человека? Не боишься кары Будды?

Мать-Яба завизжала:

— Имена! Назовите свои имена!

Хуа Юньсян покачал головой:

— Прости, раз уж мы пришли в масках, называть свои истинные имена мы не собираемся.

Мать-Яба рассвирепела:

— Вы посмели ночью вторгнуться в священную обитель Будды! Зачем пожаловали?

Хуа Юньсян ответил:

— Нам нужно узнать две вещи. Первое — где находится главное отделение вашего Общества Сестер, и второе — кто ваш глава. Скажи нам это, и мы уйдем сию же секунду, не причинив вреда ни единой травинке в вашей обители.

Мать-Яба холодно усмехнулась:

— С какой стати вам знать, где наше главное отделение и кто наш глава?

Хуа Юньсян ответил:

— У нас к ней дело.

Мать-Яба заявила:

— Какое бы дело ни было, мне можете сказать то же самое!

Хуа Юньсян возразил:

— Нет, нам нужно увидеть её лично.

Мать-Яба отрезала:

— Наш глава не принимает всякую нечисть, что прячет лица!

Ту Сянсян толкнула Хуа Юньсяна локтем и шепнула:

— Хватит с ней ласы точить! Ты разбирайся с ней, а я займусь теми двумя. Сначала укротим их, а потом поговорим!

Хуа Юньсян кивнул, шагнул ей навстречу и произнес:

— Давай сразимся! Решить дело силой — лучший выход!

Мать-Яба дерзко бросила:

— Сама собиралась вас скрутить!

Сделав шаг вперед, она взмахнула тесаком и рубанула со всего маху!

Хуа Юньсян скрестил судейские кисти и принял удар наверх, отчего его с отскоком отбросило на шаг назад. В душе он испытал легкий испуг и подумал про себя:

— А у этой Матери-Ябы силища ого-го! Нельзя относиться к ней легкомысленно...

В тот же миг он подался корпусом вбок, уходя от удара тесака, и правой кистью зеркально взмахнул судейским пером, целясь ей в левый бок.

Мать-Яба отступила на полшага, перестроила удар и перешла в яростную атаку. Её клинки рассекали воздух со свистом, свирепая словно тигрица.

Хуа Юньсян еще не до конца раскусил её стиль, поэтому временно перешел в глухую оборону, отступая шаг за шагом.

В это время Ту Сянсян уже сцепилась с двумя другими старухами.

В руках тех тоже были кольцевые тесаки, но мастерством они явно уступали Матери-Ябе. Так что Ту Сянсян, сражаясь один против двух, напротив, больше атаквала, чем оборонялась.

К этому моменту все старухи в Бодхимандле Пути уже проснулись и повысыпали наружу посмотреть, в чем дело. Увидев, что Мать-Яба и две её помощницы сошлись в бою с двумя людьми в масках, они от страха едва держались на ногах и безостановочно бормотали: «Амитабха».

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ настойчиво кричала:

— Послушайте, давайте все обсудим мирно, не нужно драться! Если кто-то погибнет, что же тогда делать?!

Мать-Яба, отмахиваясь тесаком, вопила в ответ:

— Настоятельница Юаньцзюэ! Эти двое негодяев посмели ночью пробраться в нашу обитель, они явно не с добрыми намерениями! Я обязана их схватить и допросить, так что перестань орать!

Услышав это, настоятельница Юаньцзюэ перестала отговаривать бойцов и принялась молча перебирать четки, читая молитвы.

Спустя время, пока шел бой, Ту Сянсян уже полностью захватила инициативу, да и Хуа Юньсян постепенно раскусил манеру движений Матери-Ябы. Перейдя от защиты к нападению и безостановочно обрушивая на нее свои коронные приемы, он тоже вырвался вперед.

Почувствовав, что противник дерется всё яростнее, Мать-Яба запаниковала. Она была дородной, тучной женщиной и меньше всего годилась для затяжных схваток. Проведя еще несколько десятков выпадов, она почувствовала учащенное сердцебиение, нехватку воздуха и одышку. Сделав ложный выпад тесаком, она отпрыгнула на добрый чжань и заголосила, тяжело дыша, как загнанный бык:

— Подождите! Подождите! У меня... старая... сердечная болезнь снова прихватила!

Вид у неё и вправду был болезненным: мало того, что она задыхалась, так с её головы еще градом катился пот.

Хуа Юньсяну стало смешно. Прекратив нападение, он спросил:

— Что с тобой?

Мать-Яба прижала руку к груди и закричала:

— Скорее! Скорее принесите мое лекарство...

Одна из старух откликнулась, опрометью бросилась в одну из келий и вынесла оттуда маленькую фарфоровую склянку и чашечку кипяченой воды. Протянув всё это, она пролепетала:

— Выпейте скорее!

Мать-Яба схватила склянку, торопливо вытряхнула в рот несколько пилюль, запила их водой и лишь спустя какое-то время перевела дыхание:

— Фух... Ох, мамочки мои...

Хуа Юньсян не знал, смеяться ему или плакать:

— Тебе лучше выложить то, что мы хотим узнать, а не то драка продолжится!

Мать-Яба вытаращила глаза:

— Мелкий паршивец! Если бы не мое больное сердце, я бы тебя давно разделала под орех!

Хуа Юньсян усмехнулся:

— То, что я не стал пользоваться твоим состоянием для атаки — уже проявление величайшего

великодушия. Надеюсь, ты знаешь, когда стоит проявить благоразумие!

Мать-Яба проворчала:

— Подожди-ка! Дай мне немного прийти в себя, и мы с тобой еще поборемся по-честному!

Хуа Юньсян согласился:

— Хорошо, я подожду.

Мать-Яба хитро блеснула глазами и добавила:

— Стой здесь, никуда не уходи. Мне нужно зайти в комнату на секунду, я мигом!

Хуа Юньсян улыбнулся:

— Ладно, ступай.

В этот момент Ту Сянсян неожиданно взмахнула длинным мечом, отбивая в стороны атаки двух старух, отпрыгнула к Хуа Юньсяну и бросила:

— Нельзя давать ей уходить, она хочет сбежать!

Хуа Юньсян запоздало сообразил: «А ведь верно!» и тут же шагнул вперед:

— Тебе нельзя уходить, давай сначала решим, кто из нас сильнее!

Мать-Яба не обратила на него внимания и быстрым шагом направилась к своей келье, бросив на ходу:

— Не нервничай ты так, парень, у меня тут нужда... надо зайти в комнату...

Хуа Юньсян последовал за ней:

— Какая еще нужда?

Заметив, что он увязывается за ней, та затопала ногами от досады:

— Стоять! Если еще хоть шаг сделаешь за мной, я тебя на куски порежу!

Хуа Юньсян уперся:

— Если не объяснишь толком, я пойду!

Мать-Яба с досады выругалась:

— Паршивый ты ублюдок, неужто хочешь подглядывать, как баба в туалет ходит?!

Тут только Хуа Юньсян догадался, что той приспичило справить малую нужду. Ему стало и досадно, и смешно одновременно. Он подумал, что эта Мать-Яба — просто ходячий кладезь неожиданностей: посреди драки у неё то сердечный приступ случается, то в туалет приспичит — фокусов у неё хоть отбавляй.

Разумеется, следовать за справляющей нужду женщиной было неприлично, так что ему пришлось остановиться и криво улыбнуться.

Ту Сянсян заявила:

— А я пойду с тобой!

И действительно двинулась следом.

Мать-Яба, казалось, понимала, что Ту Сянсян куда опаснее, и испуганно произнесла:

— Ты, девчонка, только попробуй воспользоваться моментом и напасть на меня!

Ту Сянсян пообещала:

— Пока ты не устраиваешь фокусов, я не стану нападать.

Мать-Яба оправдалась:

— Помимо больного сердца, у меня есть еще одна старая хворь: по ночам вечно приходится вставать. Чистая правда, не веришь — спроси у настоятельницы.

Ту Сянсян покраснела и с улыбкой бросила:

— Хватит болтать! Раз и впрямь приспичило, я обещаю не нападать исподтишка.

Только тогда Мать-Яба успокоилась. В три прыжка она влетела в келью и скрылась за ширмой в углу комнаты.

Ту Сянсян встала у входа и прислушалась. Услышав, что та действительно справляет нужду, она презрительно сплюнула, вернулась к Хуа Юньсяну и недовольно усмехнулась:

— Ну и мягкие же мы с тобой противники! Позволяем врагу в туалет ходить — на что это вообще похоже?!

Хуа Юньсян успокоил её:

— Ничего страшного, это же обитель Будды: делаешь добро другим — и себе облегчение.

Настоятельница Юаньцзюэ прониклась глубоким чувством и вмешалась в разговор:

— Этот благодетель совершенно прав. Давайте все обсудим мирно и обойдемся без оружия. Не знаю только, с каким важным делом уважаемые гости пожаловали к нам посреди ночи? Быть может, разделят беседу со старухой?

Хуа Юньсян ответил:

— Мы с моей спутницей хотим узнать, где находится главное отделение Общества Сестер и кто возглавляет организацию. Если настоятельница согласится назвать их, мы сию же минуту покинем гору и не причиним вреда ни единому листочку в вашей обители.

Услышав это, настоятельница Юаньцзюэ оказалась в крайне затруднительном положении:

— Амиабха... Оказывается, благодетелям нужно именно это. Боюсь, старуха не сможет удовлетворить ваше любопытство.

Хуа Юньсян кивнул:

— Если настоятельница не хочет говорить, ничего страшного. Мы просто расспросим вон ту Мать-Ябу.

В этот момент из своей комнаты неожиданно вышла монахиня Цзинсинь и вставила слово:

— Уважаемая благодетельница, ваш голос так похож на голос той Чжоу Хунъюй, что спустилась вчера с горы. Вы случайно не она?

Опасаясь, что монахиню снова накажет Мать-Яба, Ту Сянсян помотала головой:

— Я вовсе не какая-то там Чжоу Хунъюй!

Монахиня Цзинсинь усомнилась:

— Но ваш голос так похож...

Ту Сянсян сорвала с лица черную повязку, кривя рот в улыбке, спросила:

— Ну же, посмотри, похожа моя внешность на неё?

Увидев перед собой девушку с чистыми и красивыми чертами лица, монахиня опешила:

— Ох... Вы и вправду не она.

Ту Сянсян не захотела продолжать этот разговор. Повернувшись к келье Матери-Ябы, она громко крикнула:

— Эй, Мать-Яба! Ты так и будешь прятаться и не выйдешь?

Из глубины кельи донесся голос Матери-Ябы:

— Иду я, иду! Спешись помереть — так не торопись ты так!

Не успели стихнуть слова, как она показалась на пороге.

Ту Сянсян взвесила в руке меч:

— Ну же, дай мне преподать тебе еще пару уроков!

Мать-Яба покачала головой:

— Старуха больше не хочет драться!

Ту Сянсян холодно усмехнулась:

— Не хочешь — как хочешь, но тогда выкладывай то, что мы должны узнать!

Мать-Яба злобно хихикнула:

— А вот не скажу! И что вы мне сделаете?

Ту Сянсян пригрозила:

— Не скажешь — снова начнем драку!

Мать-Яба упрямо заявила:

— А старуха все равно не станет драться! Чего с меня взять, мясо-то на мне соленое, неужто ты меня сожрешь?

Ту Сянсян ответила:

— Есть тебя я не собираюсь, мне хватит и того, что я тебя до смерти загоняю.

Мать-Яба фыркнула:

— Хм! А вот стану столбом и буду стоять, посмотрим, как ты меня до смерти загоняешь!

Придя в ярость, Ту Сянсян обернулась к Хуа Юньсяну:

— Эта Мать-Яба решила включить дурочку! Давай отправим её на тот свет!

Хуа Юньсян согласился:

— Хорошо.

Тогда Ту Сянсян с мечом наперевес бросилась на неё, излучая убийственное намерение:

— Ты и впрямь не собираешься говорить?

Мать-Яба упрямо огрызнулась:

— Не собираюсь!

Взмахнув мечом, Ту Сянсян стремительно устремила острие прямо ей в грудь.

Поняв, что та действительно намерена её прикончить, Мать-Яба не посмела стоять на месте. Она поспешно увернулась и в то же время резко перехватила тесак, нанеся яростный удар в ответ.

И схватка возобновилась с новой силой.

В отличие от Хуа Юньсяна, который то и дело сдерживался, Ту Сянсян не щадила противницу: каждый её выпад целился в смертельно опасные точки, словно она и впрямь вознамерилась покончить с ней.

Прижатая к стенке Мать-Яба была вынуждена сражаться в полную силу. Техника её клинка была неплоха, но беда заключалась в избыточном весе — в маневренности она сильно проигрывала, да и выносливости не хватало. После нескольких десятков размена ударами она начала задыхаться, а пот заструился по её лицу градом.

Вдруг раздался свист!

Меч Ту Сянсян со свистом пронесся по воздуху и срезал узел волос на макушке противницы, полностью срубив её аккуратно причесанную шишку!

Остальные старухи испуганно завизжали.

Мать-Яба отпрыгнула в сторону, схватилась рукой за сердце и тяжело задышала:

— Не пойдет... Старуха... больше не могу драться... Еще удар — и я точно богу душу отдам!

Ту Сянсян потребовала:

— Придется драться!

Сделав шаг вперед, она снова полоснула мечом по горизонтали.

Мать-Яба взывала:

— Хватит драться! Не надо больше! Старуха... старуха всё вам расскажет!

С этими словами она в панике попятилась назад.

Ту Сянсян с улыбкой опустила меч:

— Так бы сразу! Выкладывай!

<http://bllate.org/book/19517/1913842>